

В смятении распахнув сандаловые створки — единственную преграду перед глазами, — Юэ Инъян вместе с потоком обжигающего воздуха встретил то, что повергло его в оцепенение: небо у подножия Императорского города окрасилось в багровые тона от бушующего пламени, а Вэйчэн наполнился отчаянными криками людей.

Двое, стоявшие у порога и смотревшие на пожар, одновременно обернулись. На фоне яркого зарева Юэ Инъян с недоверием уставился на искаженное ужасом лицо Императора и ошеломленный взгляд другого человека. Этого человека Юэ Инъян знал — Сяо Лян, заместитель командующего городской стражей, один из тех, кто подчинялся лично Императору.

Юэ Инъян перевел взгляд вдаль, на огненное море, застилавшее горизонт. Это было направление его поместья.

В груди невыносимо закололо.

Будто сердце положили прямо в этот огонь — жгучая, мучительная боль.

Юэ Инъян, пребывая в полузабытьи, смотрел на пламя, а затем поднял руку и судорожно сжал ворот на груди. Император, до этого растерянно наблюдавший за ним, поспешил вперед, чтобы поддержать его, но Юэ Инъян машинально отступил, выходя из зоны досягаемости.

Этот шаг заставил его отступить вглубь Зала Чаоян. Споткнувшись о высокий порог, он едва не упал, но в последний момент ухватился за створку двери. Император воспользовался моментом, бросился вперед и обхватил его за талию, притягивая к себе.

Юэ Инъян оказался зажат между Императором и дверным проемом.

— Дай мне шанс объясниться, — прорычал Император ему на ухо, понимая, что сейчас ни в коем случае нельзя отпускать его.

Юэ Инъян повернул голову к Императору. Его спокойный взгляд заставил Императора почти поверить, что Юэ Инъян еще не слышал их недавнего разговора или решил, что пожар вспыхнул в чьем-то чужом поместье.

Внезапно в животе отозвалась пронзительная, острая боль.

Император с недоверием согнулся, схватившись за живот, и лишь успел увидеть холодную, гордую спину Юэ Инъяна, который развернулся и захлопнул дверь.

— Ваше Величество... — Сяо Лян, обливаясь холодным потом, наблюдал за их противостоянием, тысячи раз порываясь уйти или остаться. Но тут Император рухнул, а генерал Юэ — человек, вокруг которого в последнее время крутились все слухи — воспользовался случаем и запер двери зала! Он поспешил помочь Императору подняться.

— Ступай. Постарайся вытащить оттуда людей, — Император оперся о колонну снаружи зала, продолжая прижимать руки к животу, по которому получил тяжелый удар. К счастью, внутренняя энергия Юэ Инъяна еще не полностью восстановилась, иначе он бы сейчас просто не устоял на ногах.

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Сяо Лян уже собрался уходить, но обернулся, взглянув на побледневшего Императора: — Приказать позвать императорского лекаря?

— Не нужно. И никому не говори о том, что видел сегодня... — Император демонстративно отвел взгляд в сторону. — Не забудь найти в поместье генерала Сяо Шуныцзы и прикажи ему доставить ко мне того, кого я просил. Ступай... — Как только он узнал о пожаре, то сразу отправил Сяо Шуныцзы присмотреть за поместьем и заодно привести человека, чтобы Юэ Инъян мог его увидеть. Император горько усмехнулся, глядя на разгорающееся пламя: надеялся ли он на самом деле, что Сяо Шуныцзы сможет благополучно выполнить приказ?

Хун Яо из поместья генерала...

— Инъян. Я знаю, что днем я сам сказал, что сровню поместье генерала с землей, и поэтому подозрения падают на меня, но поверь мне хоть раз! Я не приказывал поджигать его! — Император медленно сполз по закрытой двери и прислонился к ней, обращаясь к холодному резному дереву.

— Я не собирался использовать поместье как средство шантажа, я просто... просто вспылел от гнева, но ты же знаешь, у меня характер как у ребенка, я ляпнул, не подумав... — голос Императора охрип, он продолжал говорить, даже не получая ответа из-за двери.

Пожар в поместье генерала бушевал всю ночь. Огонь перекинулся на сотни соседних домов, став самым страшным бедствием в Вэйчэне с начала весны. Хотя очаг возгорания в самом поместье удалось потушить к утру благодаря усилиям городской стражи, соседние кварталы продолжали утопать в густом дыме и огне.

В конечном итоге этот ночной пожар, которого никто не ожидал, полыхал трое суток, уничтожив почти четверть города, унеся жизни более двух тысяч человек, оставив семьсот пропавшими без вести и десятки тысяч ранеными. Это стало одной из самых страшных трагедий в истории Династии Шэн. Конечно, это лишь сухие цифры, о которых люди заговорили позже, сейчас же речь не об этом.

Юэ Инъян простоял за дверью всю ночь. До его ушей доносились отчаянные оправдания Императора, но казалось, будто разум автоматически отгородился от них, лишь фиксируя, что голос Императора эхом вибрирует в окружающем воздухе. В голове же прокручивались воспоминания последних восьми лет — каждый шаг, каждый миг, пройденный ими вместе...

Иной свет, не от пожара, пробился сквозь окно, заставив танцевать в воздухе мириады пылинок, и упал на тело Юэ Инъяна, ставшее за это время холодным, как лед. Словно наполненный новой силой, он внезапно очнулся. Казалось, за минувшую ночь он обдумал всё и

одновременно ни о чем не думал. Но сейчас он почувствовал, что хочет увидеть Императора, и без колебаний подошел к двери, чтобы открыть ее.

Когда дверь распахнулась, Император стоял прямо перед ней, опустив голову, и еще не заметил, что Юэ Инъян открыл засов.

Юэ Инъян не нашел причин не простить такого Императора, в котором было столько человеческого. Поэтому, пока тот от усталости не успел его заметить, он обнял человека, который так же, как и он, всю ночь простоял на холодном сквозняке в одном лишь тонком одеянии.

— Это ведь не ты сделал. Я часто твердил, что ты мне не веришь, но разве я сам был другим? Поэтому в этот раз я решил тебе поверить. — Поместье генерала сгорело — пусть так, если это даст им возможность начать все с чистого листа, то, может, это даже к лучшему. Теперь он лишь надеялся, что люди внутри смогли спастись, и ему не придется нести бремя еще одной загубленной жизни, прежде чем двигаться дальше.

— Это не я. — Император, тронутый до глубины души, крепко прижал Юэ Инъяна к себе и вновь твердо повторил.

— Ну конечно. Если бы ты захотел это сделать, то наверняка сперва демонстративно притащил бы меня к дверям поместья, а уже потом поджег. М? А после еще и приказал бы казнить Хун Яо... — Юэ Инъян отстранился и посмотрел на Ли Цюаньшуня, который неизвестно когда появился в конце коридора. — Разве не так, евнух Ли?

— Генерал, для вас я просто Сяо Шуньцзы, — Ли Цюаньшунь поклонился Юэ Инъяну, опустив голову. Только Император имел право называть его, главного евнуха дворца, Сяо Шуньцзы, даже императрица должна была обращаться к нему уважительно — евнух Ли. Но этим ответом он выразил Юэ Инъяну свое признание и глубокое уважение.

— Хорошо, Сяо Шуньцзы. Что насчет того, что я тебе поручил? — Император вмешался в разговор, в его голосе сквозило нескрываемое волнение. Хотя слова Юэ Инъяна о нем были несправедливы, он решил проявить великодушие и не обращать на это внимания!

— Докладываю Вашему Величеству, это... — Кто бы мог подумать, что при упоминании этого вопроса Ли Цюаньшунь начнет запинаться.

— Говори как есть! — брови Императора снова сошлись на переносице. — Слушаюсь, — Ли Цюаньшунь сначала взглянул на Юэ Инъяна и только потом продолжил: — По словам слуг, выбравшихся из поместья генерала, пожар начался во дворе, где жил генерал Юэ. Все в тот час уже спали, а пламя разгорелось так быстро, что мгновенно преградило выходы... Госпожа Хун Яо... скорее всего, не смогла выбраться.

Сказав это, Ли Цюаньшунь снова взглянул на Юэ Инъяна. Заметив, что тот держится

относительно спокойно, он продолжил:

— Только что закончили разбирать завалы в поместье генерала. Во дворе генерала Юэ действительно нашли несколько тел, но это могут быть слуги, не успевшие спастись. Позже ваш слуга тщательно осмотрел всех пострадавших, кто выбежал из огня, но госпожи Хун Яо среди них не оказалось. Сейчас стража Вэйчэна продолжает поиски. Как только её найдут, неважно... мёртвой... или живой, об этом сразу же доложат во дворец.

Ли Цюаньшунь не мог ничего утаить и выложил всё, что ему было известно.

— Хорошо, ты отлично потрудился. Иди отдохни. Объяви, что Мы устали за ночь, поэтому сегодняшнее утреннее собрание отменяется. А тушение пожара полностью поручи страже Вэйчэна. — Император взмахнул рукой, отпуская Ли Цюаньшуня, затем повернулся и увлёк за собой в комнату Юэ Инъяна, который стоял как истукан после услышанного доклада.

— Инъян, возьми себя в руки! Ещё рано отчаиваться. Мы обязательно найдём Хун Яо, если продолжим поиски, — Император усадил Юэ Инъяна на стул возле стола и, сжав его руку, попытался утешить, хотя и сам понимал, что надежда призрачна.

— Она не могла выбраться. Она совсем не владеет боевыми искусствами, она всего лишь слабая женщина. Даже среди крепких, сильных мужчин столько не смогли спастись... Как я могу убеждать себя, будто именно ей повезло оказаться в числе немногих счастливиц! — Юэ Инъян крепко сжал руку Императора, а другой закрыл лицо.

— И ты вот так просто сдашься? Ты правда хочешь, чтобы Хун Яо навеки встала между нами?!
— Император наклонился, схватил Юэ Инъяна за плечи и заставил его выпрямиться.

— Раз уж мне было суждено предать её и в этой жизни я не смогу искупить свою вину, остаётся лишь надеяться, что смогу вернуть этот долг в следующей, — Юэ Инъян поднял голову и встретился взглядом с Императором.

— Нет, этому не бывать! Юэ Инъян! В этой жизни ты обещал себя Мне, и в следующей, и в каждой последующей — каждая твоя жизнь принадлежит Мне! Даже если Хун Яо пожалуется самому Нефритовому Императору или Владыке Яню, Я всё равно тебя не отпущу!

Глядя на приподнятое лицо Юэ Инъяна, Император вдруг осознал, как давно они не делили дыхание друг с другом. А ведь именно сейчас Юэ Инъян так нуждался в его утешении. Император медленно наклонился. Юэ Инъян мгновенно понял его намерение, но не стал сопротивляться — он покорно закрыл глаза и отдал свои чувства во власть их общего порыва.

Длительный поцелуй разжёл в обоих нетерпение. Забыв о первоначальной нежности и осторожности, Император с силой притянул Юэ Инъяна к себе, настойчиво исследуя языком чувствительное нёбо. Когда кончик его языка легко скользнул по нёбу Юэ Инъяна, тот наконец откликнулся, и Император уловил желанный ритм.

Казалось, прошёл целый век с тех пор, как они были столь близки. После того дня в поместье генерала, когда Юэ Инъян так обошёлся с Императором, последовал военный поход, а затем — ранение Юэ Инъяна. И хотя позже они вернулись во дворец и спали на одной кровати, это был лишь сон, ведь Юэ Инъян ещё не оправился от ран. И вот теперь все намеренно подавляемые желания хлынули наружу, захлёстывая каждую клеточку тела, отвечавшую за наслаждение.

Кожа, ещё помнившая ночную прохладу, стремительно нагревалась от прикосновений и трения. Император сам не заметил, как сдёрнул с Юэ Инъяна единственную тонкую рубашу, но тому всё равно казалось, что кровь кипит в каждой жилке. А жар слившихся в поцелуе уст наводил на мысль, будто весь зной, собиравшийся между ними, готов испарить каждую каплю влаги в его теле.

Наконец Император отстранился от губ Юэ Инъяна, тяжело и прерывисто дышавшего, и, покрывая поцелуями и укусами его кадык, ходивший вверх-вниз при каждом вдохе, потянул его вверх, поднимая со стула.— Отдашься мне?

Он больше не мог сдерживаться. Если бы сейчас не нашлось того, что помогло бы ему унять пыл, он и сам не знал бы, какую еще глупость сотворит. А о тех словах, что он говорил прежде — например, о том, чтобы Юэ Инъян всегда сам обнимал его, — он уже давным-давно позабыл.

Юэ Инъян не произнес ни звука, но его руки уже принялись рвать такую же тонкую одежду Императора.

Это был первый раз, когда Император перед близостью спросил его о желании.

Почувствовав его движение, Император тут же обвился вокруг него снова. Язык уже добрался до обоих сосков на груди Юэ Инъяна, а Юэ Инъян от его блужданий из стороны в сторону лишь сильнее выгнул тело навстречу. Его ноги властно вклинились между шатких до того ног Юэ Инъяна, и в итоге едва ли не половина веса Юэ Инъяна легла на грудь Императора.

— Может, переберемся... на кровать?

Неизвестно, оттого ли, что они так долго не были вместе, но тело вдруг стало куда чувствительнее, чем раньше. Стоило ласкам или губам и языку Императора коснуться любой точки, как там вспыхивало невыразимое наслаждение. Казалось, они снова вернулись в те времена, когда он был тяжело ранен и уже не мог выдерживать собственный вес. И хотя сейчас он стал намного легче, Императору должно быть все же тяжело удерживать вес двух взрослых мужчин. Он подумал о том, какое выражение появится у Императора, если он откажет ему прямо сейчас, и не пожалеет ли тот, что вообще спросил перед началом?

— Не хочу, — услышал он в ответ: Император отбросил его предложение, даже не задумываясь. Напротив, он обхватил Юэ Инъяна за талию руками и принялся с силой действовать!

— Опusti меня!

Хотя храбрости Юэ Инъяну было не занимать, ощущение того, что его силой поднимают за талию, все равно заставило его побелеть от испуга.

— Хорошо, — а обнимавший его человек, судя по всему, был в великолепном настроении. Он действительно повернулся вместе с ним, и тут Юэ Инъян почувствовал, что его тело опускается вниз. В голове зашумело от головокружения, пока он не опустился на что-то

твердое и мускулистое — только тогда он понял, что сидит на коленях у Императора. Прямо перед распахнутым окном лежал ранневесенний, пронизанный холодом пейзаж, а вдали виднелся Императорский сад, где уже кое-где прохаживались люди.

— На кровать!

Юэ Инъян чуть ли не скрежетал зубами от злости: если кто-нибудь увидит картину в покоях Императора... он совершит цареубийство еще до того, как расшибется насмерть о пол!

— Инъян, я ничего не вижу, так что ты уж следи за тем, когда кто-нибудь подойдет.

Юэ Инъян отчетливо слышал, как смех Императора зарождается у того в горле и прямо-таки вырывается наружу, омывая его обнаженную спину! Император определенно хотел, чтобы Юэ Инъян тоже прочувствовал, каково это — ничего не видеть и ощущать, как в тебя входят сзади!

— Ты... — Юэ Инъян уже приоткрыл рот, собираясь возразить, но вместо этого судорожно втянул воздух. Его ноги были разведены в стороны и уложены на бедрах Императора, так что самое сокровенное место оказалось абсолютно обнаженным и от прикосновения холодного воздуха самопроизвольно сжималось. А у его поясицы упиралось то, в чем и без того не было нужды сомневаться — раскаленная плоть Императора. Он совершенно не мог видеть ни выражение лица Императора, ни его следующее движение, отчего тело становилось лишь чувствительнее!

Грубоватые пальцы сначала пошарили возле входа, а затем отстранились, словно хозяин еще не был готов. И после этого Император больше не предпринимал никаких попыток, и лишь по легкой дрожи мышц на его бедрах Юэ Инъян понял, что Император действительно сдерживает свое вождение. Почему же он не двигается?

Даже если бы его сейчас вонзили силой, сердце Юэ Инъяна, пожалуй, не испытывало бы такой тревоги. Но глаза Юэ Инъяна не могли оторваться от происходящего за окном, поэтому ему оставалось лишь изо всех сил напрягать каждый нерв, пытаясь угадать движения Императора.

Сначала язык Императора снова приник к области за его ухом, словно желая вылизать там еще одну ямку, и задержался, наотрез отказываясь уходить. Назло всему оттуда и впрямь волнами расходилось щекочущее оцепенение, и Юэ Инъян, в погоне за наслаждением, инстинктивно откинул голову назад. Однако Император тут же оттолкнул его. Юэ Инъян недовольно засопел в горле, но язык Императора уже снова прижался к нему — только на этот раз не у уха, а скользя по линии позвоночника вниз на максимально возможную глубину...